

УДК 174

**Цифровой университет в информационном обществе:
этические аспекты текущей трансформации**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы быстрой трансформации современного университета, перехода вузов в условиях пандемии на тотально удаленное обучение и определение перспектив генезиса нового феномена - «цифровой университет». Цифровизация высшего образования началась давно, однако только сейчас становится понятно, что речь идет не о дополнительных возможностях, добавленных к классической модели университета, а становлении новой институциональной модели. Она предполагает фундаментальные изменения в ролевых статусах, целях и миссии. Логичное продвижение цифровой трансформации университетов от простой «удалёнки» к использованию «искусственного интеллекта» обрушит традиционную университетскую культуру, сформирует новую ценностно-нормативную среду и постклассическую университетскую этику.

Ключевые слова: цифровой университет, информационное общество, искусственный интеллект, этический университет.

Итак, они <студенты> получают полную свободу предаваться лени и недостойным развлечениям; вместо похвального прилежания могут безответственно растрачивать самое прекрасное время своей жизни... Да, действительно многие обучились бы большему в этом случае; только забывают о том, что не учение само по себе, каким бы оно ни было, является целью университета, а познание; как и о том, что там не наполняют память и не обогащают один лишь рассудок, но возбуждают в юношах воистину научный дух... этот дух, однако, не разовьется в принуждении; такой опыт осуществим лишь в горении полной свободы духа – совершенно в себе и для себя...

Фридрих Шлейермахер.
Нечаянные мысли о духе
немецких университетов (1808 г.)

Как цифровые технологии меняют окружающий мир, всем нам хорошо известно из личного повседневного опыта и благодаря при-

стальному вниманию к этой теме со стороны ведущих аналитиков мира. Об этом написана без преувеличения целая библиотека, а количество публикаций растет постоянно, причем в геометрической прогрессии. Отследить этот информационный поток одинокому, пусть и очень заинтересованному читателю, маловероятно, для этого нужны уже исследовательские группы. При этом примечательно, что все авторы давно не полемизируют друг с другом, а пишут о всё новых и новых аспектах тотальной цифровизации. Настолько этот процесс становится всеобъемлющим и, как принято уже считать, исторически неизбежным и необратимым. Создается ощущение наступившего «экспертного согласия» о фундаментальности глобальных преобразований через цифру. *Мир в цифре* – базовая метафора нашего времени. А разница в экспертных взглядах – лишь в нюансах, как говорится, «черт» – в деталях!

Разумеется, в сферу академического интереса ученых попадают, прежде всего, проблемы институциональной ломки, вызванной цифровой революцией. Так, к примеру, в своем знаменитом бестселлере «Цифровой человек» (“Digital Human”) Крис Скиннер описывает перемены в глобальных и локальных финансах и предсказывает крах всей традиционной банковской сферы [2]. Именно с этой точки зрения он рассуждает об общественных и антропологических переменах в обновленном цифровом мире. *Мир в обновлении* – вторая метафора текущего момента истории.

Следует ли из этого, что человек и социальные процессы преобразуются прежде всего через цифровизацию общественных институтов и практик? Скорее, да, чем нет. Очевидно, что именно цифра создает бескрайнее поле новых технологических и коммуникативных возможностей, будучи при этом абсолютно беспощадной ко всему архаическому и «отжившему свой век» в институциональном багаже цивилизации. Речь идет не только об инструментах, формах интеракции между людьми, социокультурных традициях, но о культурных, нравственных нормах и «правилах игры», в том числе сконцентрированных в функционировании институтов Современности.

Цифра давно прокладывает себе путь в сферу образования. По сути, уже два с лишним десятилетия дистанционное образование активно эксплуатирует интернет-ресурсы и коммуникативные онлайн-возможности. Но если изначально это были, прежде всего, почтовые сообщения и видео-сессии, то в последние несколько лет появились более искушенные программы (тренажеры и приложения), предполагающие полноценный образовательный интерактив и даже перевод многих образовательных процедур искусственному интеллекту. И все-таки оцифрованное образование пока остается преимуществен-

но в лоне традиционной модели взаимоотношений между людьми, хотя виртуально и опосредованной. Сама же «цифра» всего лишь техническая новелла. И не более того. Но пандемия на глазах меняет status quo.

Искусственный интеллект пока вне сферы морали

В одном из своих последних интервью интернет-изданию "Colta" (от 01.10.2020) директор по стратегическому маркетингу Яндекса, Андрей Себрант, рассуждает о перспективах жизни в ближайшем и очень туманном будущем «умных машин». Он категорически не принимает версию, что искусственный интеллект (ИИ) программируется рациональным умом в алгоритме исключительного рационального действия. Подход Себранта примечателен уже тем, что он отказывается признавать, наше якобы знание, тем более понимание, что такое «интеллект» вообще. Если это так, то и определять, что такое «искусственный интеллект» еще рано. Более того, поскольку ИИ можно запрограммировать на сочинение стихов и музыки, то сам по себе он не есть чисто рациональный продукт. Следовательно он наделен своей особенной эмоциональностью и аффективным началом, а со временем, вероятно, обретет и прочие свойства чувственно-духовного субъекта.

Тотальная цифровизация и экспансия «умных машин» в нашу жизнь компенсируется антропоморфизмом ИИ. Этим «машинам» присваивают имена, с ними разговаривают, их программируют на более сложный, чем ум человека, поисковый алгоритм. И наконец, все чаще разработчики принимают их как своих «соавторов». Но все-таки они остаются пока «бесчеловечными» и воспринимаются нами таковыми, вероятно потому, что за свои решения моральной ответственности не несут. Не исключено, что имеет значение и то, что человек живет в духовном мире гораздо активнее и глубже, чем в сфере чистого рассудка. Иными словами, люди не принимают ИИ в этой взаимной зеркальности и сохраняют за ним подчинительно инструментальный статус.

Первое, что пока нас привлекает в ИИ – новые возможности и сверхскорости обработки гигантских массивов информации. Но вполне вероятно, что в скором будущем наступит момент, когда ИИ будет свойственно и чувство прекрасного, и способность психологически переживать, и даже нравственно сочувствовать. Основан ли этот прогресс только на бесконечном расширении сферы ума и на практической цифровизации прикладного знания, со всей уверенностью сказать сложно. Однако, как мне кажется, «программирование» нравственного чувства уже не за горами. И все-таки это цифровое

«чувство» вряд ли станет зеркальной репликой человеческого начала.

Сегодняшняя цифровизация образовательного процесса, по мнению Себранта, к ИИ пока отношения не имеет. Она лишь расширяет возможности абсолютно традиционной сферы деятельности, добавляя к ней какие-то новые инструменты. Конечно же, ИИ начнет когда-то думать самостоятельно и действовать как «педагог» в автономном режиме, но по-другому, не так традиционный Учитель, а тем более – гуру, свами, бодхисатва, просветленный «ментор», наставник. Пока же ИИ используется лишь как продвинутый способ по-прежнему традиционного планирования и реализации многосложного процесса обучения, в котором нет одностороннего движения дидактически упакованной «эпистемы» от Учителя к ученику.

Впрочем, нечто похожее мы наблюдаем и с применением ИИ в судебной практике и медицине. Но там главное препятствие, пожалуй, не столько в сложности цифрового разума, сколько в нежелании людей считать его «лицом», принимающим за них или вместе с ними судьбоносные решения. В деятельности судьи содержится метафизика высшего авторитета. Он – символ справедливости. А врач – коммуникативно и этически – разделяет с пациентом ответственность и вселяет в него, тем самым, надежду на выздоровление, что порой важнее точного профессионального диагноза и взвешенного терапевтического вердикта.

Безусловно, эту тонкую метафизику отношений вряд ли пока способен учесть ИИ, как, впрочем, и те, кто его программируют. Но и в сфере образования психолого-нравственная компонента, как можно подумать, отнюдь не факультативная. Вычищенный от человеческих «довесков» образовательный процесс, по сути, становится отрицанием самого себя. Разумеется, чистое знание существует, но как показывают этнопедагогические исследования, даже в преподавании математики большое значение имеют культурные традиции (на этих фактах, в частности, построено современное гражданское образование) [4, 34]. Что тогда говорить о гуманитарном образовании и преподавании социальных наук, где вообще крайне трудно определить, что в них первично: проповедь добра или дидактика пользы.

Эпистемология – ценностная наука, с этим утверждением не поспоришь. Однако именно это сегодня лидерами цифровизации отрицается. Кстати, отчетливо заметно по тому, насколько последовательно «знание» вычищается из программ и заменяется «информацией». Продвигая свою виртуальную образовательную услугу, ИИ предлагает ученикам прекрасно упакованный и замечательно выполненный в современной инфографике информационный продукт. Од-

нако он не готов вступать с потенциальными визави (то есть учениками) в субстанциональную дискуссию, вряд ли предложит им ценностную рефлексию и, тем более, этико-прикладную экспертизу (ре)продуцируемого знания. И в этом смысле, действительно, ИИ в образовательной сфере оперирует именно информацией, а не глубиной и укорененной в мире культуры и духа «эпистемами».

Но и это, пожалуй, не самое главное. ИИ пока не становится равноправным человеку (то есть ученикам) моральным субъектом, а значит – исключает этическое наставничество как таковое. Этого сегодня нет даже в самых амбициозных IT-планах. Программирование остается ещё на уровне простой диссеминации информации и менторства с «односторонним движением». Я написал «пока», «еще», полагая, что цифровой прогресс рано или поздно приведет нас к полному зазеркалью, вытеснив живую фигуру «педагога» за поле образовательного действия. Но только в том случае, если мы принимаем актуальные тренды цифровизации за проявление *неизбежного* будущего. Но так ли они неизбежны?

Каковы же аргументы «за» дальнейшую и глубокую цифровизацию в вузовской сфере? Прежде всего (и на это трудно возразить что-либо серьезное) ИИ, действительно, способен полностью заменить собой учителя в его базовой функции научения. Лучшие образцы «живой» вузовской педагогики куда проще, выгоднее и результативнее оцифровать и растиражировать, чем содержать армию «ординарных» университетских профессоров. В этом случае точно будете уверены, что студенчество получает лучший на рынке «дидактический продукт». Это – доступнее, эффективнее и, учитывая актуальный пандемический опыт, еще и безопаснее.

Сокращение кадрового «балласта», профессиональное качество которого сегодня вызывает больше вопросов и нареканий, чем чувства удовлетворения, упростит к тому же еще и финансирование вузов. «Звезды» сохранятся, им будут предоставлены оптимальные условия для академической работы и глобально-национальные площадки для тиражирования самих себя. IT-специалисты быстро превратят их публичные выступления в цифровые продукты и подготовят ИИ для выполнения роли «контролера» уровня «знаниевой» подготовки студентов. Пожалуй, здесь нужно остановиться, дальше фантазировать не стоит, поскольку наше рассуждение может превратиться всего лишь в гадание на кофейной гуще. Так далеко заглядывать не буду, но допускаю, что это, может свершиться совсем скоро.

Противники перемен предложат нам множество контраргументов и доводов в пользу разрушительного характера глубокой цифровизации в образовании. Поскольку понятно, что такая стратегия при-

ведет к упадку многих из известных на сегодняшний день институциональных моделей вузовского образования. Классический университет окажется не востребованным и отчасти устаревшим. Или, по крайней мере, университеты будут не нужны в таком количестве и с такими «раздутыми» профессорско-преподавательскими штатами. Противники перемен придерживаются разных взглядов на университеты будущего, но всех их объединяет одно: они убеждены, что функцию «живого» педагога оцифровать не то, что полностью, но даже частично невозможно. Следовательно, любые промежуточные тактики смешанной модели образования пагубным образом скажутся не только на интеллекте и навыках будущих поколений, но и на их знании преемственности и глобальном разуме.

Самой неубедительной, мне кажется, позиция «примирителей». Тех, кто убеждают себя и общественность не противиться этому тренду и не прятать голову в песок. Поскольку будущее все-таки за цифрой, сегодня следует принять цифровые перспективы за неизбежный горизонт перемен и постепенно включать цифру в свои университетские стратегии. Возможно, и так. Но все-таки такое объяснение предполагает отказ от классической модели университета, только в отсроченном времени. Если для «единичных» университетов мира это и перспективно, то массовый университет (именно он и поставляет нашей цивилизации качественный человеческий ресурс) с таким транзитом вряд ли справится. В лучшем случае университеты будут симулировать подлинную цифровизацию. Начнут под этой «вывеской» избавляться от всего неудобного для правящей вузовской бюрократии, слабые и заодно критически мыслящие профессора, авторские программы, бесплатные курсы будут постепенно вытесняться.

Впрочем, проблема не только в том, что на перепутье сложно выбрать адекватную стратегию действий. «Правильных» стратегий цифровизации высшего образования, мне кажется, сегодня вообще не существует. Каждый выбор вектора перемен ведет нас в хаос непредсказуемости. А ускоренная дивергенция образования и университетов приведет к тому, что как общественный институт вуз нужен для одних стратегических целей и будет выстроен по своим внутренним законам, нарушение которых способно обнулить его общественную миссию. Ведь, вуз, будучи базовым инструментом высшего образования, подчиняется совершенно другим «правилам игры» и регулируется больше запросом извне, чем внутренней логикой саморазвития. Я сознательно не затрагиваю вектор чисто коммерческого образования, в силу очевидной тупиковости этого сценария, когда

вуз становится еще и автономным игроком на рынке образовательных услуг, сведя свою деятельность только к деньгам.

Для университета как общественного института самым значимым является его легитимный статус социального «критика» и оппонента власти. Для «классического» университета приоритетом выступают его научный потенциал и нескончаемый студенческий поток. Что же значимо для коммерчески ориентированного вуза? Его престиж и бренд. Свобода и гибкость в рыночных практиках. Конечно, можно сказать, что одно другому не противоречит. Но, увы, опыт показывает – обратное. Более того, в сегодняшних условиях это – взаимоисключающее стратегическое позиционирование. Все меньше в мире вузов, реализующих свою миссию «хранилища» мысли свободной. И наоборот – больше тех вузов, которые придерживаются стратегии образовательного хаба, когда процесс обучения становится индустриально-поточковым, как если бы его организовывал сам Генри Форд.

Наука и коммерция не вступают в смертельную схватку друг с другом только в том случае, если государство готово поддерживать и ту и другую одновременно, не задумываясь при этом, зачем ему это нужно (принцип Гумбольдта). Давно известно, что передовая и практико-ориентированная наука сосредоточена не в университетах, а в независимых и автономно развивающихся знаниевых центрах. Равным образом глубокая коммерциализация вузов создает новые неравенства и препятствует реализации базового права человека на образование, не говоря уже о перманентном снижении качества при любой массовизации и стандартизации высшего образования в глобальных «хабах».

Пандемические условия жизни подстегнули быстрый и более решительный переход высшего образования в виртуальную среду. И пусть это для большинства вузовских педагогов непривычно, да и не по нраву, тем не менее мы должны признать, что глобальные риски были существенно сокращены, а санитарная безопасность отчасти гарантирована за счет мгновенного перехода университетов на «удалёнку». И похоже, в этом статусе взаимной и равной удаленности друг от друга участники образовательного процесса будут пребывать еще довольно долго. Это и есть сегодня громадный вызов для всех университетов. И университетской этики в особенности.

***Университетская этика:
моральное тело перед искушением цифрой***

Исчезновение «живого» и интерактивного тела в дистанционном режиме, сущей и тактильной мысли из реального дидактического

поля сказывается как на самом процессе обучения, так и на его нравственной культуре. Разорванное или опосредованное цифрой образовательное пространство преобразует университетские смыслы и ценности. Ведь не случайно понятием «университетские стены» многими столетиями были разграничены два мира – повседневная городская реальность, с ее правилами и нормами, и квазифантазийный, относительно закрытый от внешнего влияния мир университетского кампуса даже одиночного здания, внутри которого жизнь протекала по своим регламентам и координировалась корпоративными интересами и ценностями. Переход из одного мира в другой напоминал физическое перемещение тела человека (буквальное путешествие) из одного культурного контекста в иной со всеми сопутствующими этому переходу субъективными переживаниями и чувствами. Именно поэтому университеты, а тем более их кампусы, обносились стенами, физически разделяющей две реальности, пересечение границ между которыми было очень непростым делом.

Университетский дидаскал (др.-гр. *didaskalos*), как и в стародавние времена, – явление прежде всего телесное. Дисциплина ума и дисциплина урока – неотделимые друг от друга составляющие образовательного процесса – были в буквальном смысле сосредоточены в едином теле Учителя. Для знаний его тело было неиссякаемым сосудом. А для учеников он становился сакральным телом надежд и вдохновения. Но одновременно – страха и горести, будучи физическим воплощением самой близкой к ученикам инстанции власти, своего рода карающим мечом. Учитель обладал правом распоряжаться по своему усмотрению временем, мыслями, памятью, намерениями, ожиданиями, а также телом своих учеников. И даже когда долгая история буквальная, то есть физической, телесности в педагогике, казалось бы, завершилась к концу прошлого столетия, межтелесные взаимоотношения по-прежнему составляют основу intersubjectной коммуникации как в среднем, так не меньшей степени и в высшем образовании. Научение основам познания, считаю вне поля дидактической телесности, недопустимым. И об этом прекрасно писал Фр. Шлейермахер в самом начале XIX века [3], одну замечательную цитату из трактата которого я разместил в качестве эпиграфа к своей статье.

Большинство профессиональных лекторов весной 2020 года, когда им пришлось перейти на удаленные формы работы, сетовали по поводу того, что в интернете им гораздо сложнее: (а) управлять аудиторией, (б) понимать, как воспринимается учебный материал, (в) использовать экстралингвистические ресурсы коммуникации (язык тела, мимику, жестикуляцию). От всего этого кроме прямого говоре-

ния, приходилось отказываться. В результате – *формализованный текст* без какого-либо психосоматического сопровождения. Отношения при этом складывались «рабочие», но в их основе лежали уже иные свойства принципиально «неинтимного» характера. Доверие и взаимопонимание в виртуальной аудитории были лишены необходимой для них эмпатии, живой искренности, сопереживания. Все это придавало вынужденной короновирусной «удалёнке» жуткий дискомфорт, причем для обеих сторон образовательной коммуникации. «Удалёнка» оказалась очень многим симуляцией высшего образования. Понять их можно. Но это не совсем так. Скорее речь идёт о другой модели образования.

Университетская этика, следует признать, в принципе не регулирует отношения между анонимными субъектами. Чтение лекции по зуму, когда спикеру в окошках видео-приложения открыты не реальные лица участников аудитории, а лишь их аватарки, по сути, перечеркивает исконно телесный характер процесса образования. Простой репродукции знания, точнее – информации, пожалуй, еще можно достичь, но его совместное производство, соучастие в рождении «эпистемы» вряд ли возможно в онлайне столь же продуктивно, как в режиме оффлайн, если вообще возможно. Замечу попутно, что главное отличие профессора от школьного учителя заключается именно в том, что он сам выступает в роли «производителя» знания и умеет создавать адекватные контексты для его многократного рождения. Единичные акты аудиторного «возникновения» знания неповторимы и предполагают каждый раз эпистемологическое «приращение» в профессиональном познании. В зуме же это удастся лишь отдельным коммуникативным гениям. Да и они чувствуют неестественность для себя и аудитории зум-коммуникативной среды.

Странно было бы в этой связи не ждать серьезной мутации университетской этики. Доверительность и когнитивное соучастие заменяются формальностью и «порционной» дидактикой. В образовании остается только *«текст»*, измеряемый не смысловой ценностью, а битами, числом кликов и просмотров. Правит балом информация, она взвешивается на «входе» и контролируется на «выходе». Но в таком режиме образование, безусловно, становится квантифицируемым товаром, открытым и удобным для цифрового менеджмента.

Замещение «живого» тела учителя цифрой, его «живого» послания формализованным текстом в итоге аннигилирует и воспитательную компоненту в становлении личности молодого профессионала и практически закрывает всякую возможность для культивирования в университетах ценностей и норм профессиональной этики. Я

не говорю уже о таком значимом этическом «довеске» в вузовской подготовке молодых поколений, как гражданское просвещение и подготовка молодых поколений к самостоятельной гражданской жизни. Но именно в нем сфокусированы все прикладные акценты сопричастности профессиональных сообществ к развитию локального гражданского общества.

**«Новая этика» –
фейковый или глубинный запрос «цифрового общества»?**

Словосочетание «новая этика» используется сейчас настолько широко и нестрого, по поводу и без повода, что следует прежде оговорить те понятийные рамки, в которых оно будет далее рассматриваться.

«Новая» этика, с одной стороны, это – извечное «ворчание» перед всяким инновационным и непривычным развитием со стороны т.н. нравственных консерваторов, не только привыкших жить по строгим правилам, но и открыто защищающих их всеми доступными способами. Потому само это словосочетание и носит скорее, критический, издевательский, в лучшем смысле – ироничный характер. Консерватор не хочет признавать и принимать ни одну из этических новелл. Словосочетание это подразумевает также одностороннюю оценку перемен – своего рода суждение вкуса о безнравственности молодых, которые якобы риторически оправдывают себя и прикрываются смысловым «зонтиком» о беспрецедентной новизне нравов времени и своего поколения.

Более узкая трактовка понятия «новая этика» строится на анализе серьезных цивилизационных перемен и допущении того, что они неизбежно вносят свою «редактуру» в застоявшиеся и оттого ригористические этические представления. Прежде всего, речь идет о новом балансе приемлемого и неприемлемого в этическом поведении, нравственном мышлении и речи. «Новое» в основании этой квазиэтической революции – теория и практика прав человека. Точнее: *признание за моральной свободой и социальной справедливостью нового свойства корректирующего реальность.*

К примеру, политическая корректность происходит именно из такого понимания этической новизны. Самое примечательное в этой «революции» – возможность квантифицировать моральный феномен, то есть перевести этику в простые «числа». Отсюда и все эти политико-нравственные подсчеты представительства разных полов, разных рас и этносов, введение этического табу на обиходную лексику, которая может фрустрировать нравственное чувство морально

равных субъектов (подобно слову «негр») и создавать морально несбалансированные и неустойчивые локальные контексты.

Нередко словосочетание «новая этика» подразумевает особую прикладную этику «цифрового общества». Дело в том, что виртуальное пространство долгое время развивалось в условиях минимальной правовой регуляции. Но поскольку в нем происходят все те же человеческие взаимоотношения, то изначально ему были свойственны конфликты, агрессия, язык «вражды», речевое насилие. Долгое время в отсутствие внешнего регулятора все участники полагались на самоцензуру и самоконтроль, которые, разумеется, должны были регулироваться скорее этически, чем юридически. Надежды на сознательность и высокий интеллект массового интернета не оправдали себя, и все вернулось на круги своя: право стало активно вторгаться в виртуальное пространство, а вместе с ним в мировой паутине стали устанавливаться довольно строгие внутренние регламенты.

Баланс права и морали в интернете, казалось, был восстановлен. Но нарратив «новой этики» никуда не делся, продемонстрировав удивительную живучесть в обновленных цифровых условиях. И даже парадоксальным образом ищет для себя новые интеллектуальные ниши, прежде всего – в глобально-элитарном дискурсе прозрачности и открытости.

Организация информационного общества, как сейчас модно говорить, должна отныне покоиться на *этархических* основаниях, что предполагает признание элитами и массами в качестве руководящих «идей», по крайней мере трех фундаментальных социетальных принципа: (1) общее благо – безусловный примат в политике и культуре; (2) нравственное неравенство между людьми признается как факт (добро и зло между людьми распределено неравномерно), и поэтому (3) допускается передача части публичных – законодательных и отчасти административных – прав в руки моральных авторитетов.

Подобный стык двух философий – моральной и политической – пытались осуществить еще в эпоху Просвещения, но исторический опыт показал, что «общественный договор» на обновленных этических основаниях не заключается ни воображаемо, ни формально, даже если вы апеллируете к лучшим из лучших «выборщикам» от народа. Но сегодня сторонники «этархии» уже не только заблуждаются подобно всем прошлым провозвестникам светлого меритократического будущего, а своими рассуждениями не попадают даже в мейнстрим новейшей истории.

Цифровое общество исконно организовано как пространство свободы и общего блага, априорного доверия, рождения новых авторитетов и послушных им «шлейфов» (блогеры + фаловеры).

Именно поэтому оно становится открытым полем конфликтов разного рода приватностей и партикулярных мнений, глубоких смысложизненных различий между людьми вот почему и остается последним оплотом для поддержания человеческого достоинства.

Высшее благо в интернете – безукоризненная технологическая инструментальность виртуального пространства. Интернет(?) сам по себе и поддержание его в свободном состоянии от какого-либо внешнего влияния, тем паче давления или цензуры, собственно и есть наш обновленный «общественный договор» наступившей новой эры информационной цивилизации.

Что нам следует ждать в ближайшее время в университетском образовании? Есть все основания думать, что и там рождается новый «договор». Переместив, пусть и не всё, но большую часть вузовского обучения (learning) в интернет, мы неизбежно получим:

- а) демонополизацию права на знание;
- б) отождествление знания со свободной информацией;
- с) рождение новых и конкурирующих друг с другом инфомационных авторитетов;
- д) сведение функции университетского педагога к чистому носителю суждения, особенно в социальных и гуманитарных науках;
- е) отчуждение учеников от тела учителя и крах традиционных моделей телесного взаимодействия, эпистемологического соучастия и этико-прикладного воспитания;
- ф) закрепление за учениками права выбирать себе эпистемологических «авторитетов».

И это только первый набросок последствий цифровизации университетского образования.

Конечно, общая картина пока получается откровенно антиутопической. Хотя – как на нее посмотреть. Конкуренция среди университетских профессоров, подкрепленная лайками или дизлайками, – вполне обновленный инструмент рейтингового голосования. Информационным лидерам проще выстраивать отношения с аудиторией, если ее наполняют не классические «студенты», а фалOVERы. Выстроить обратную связь в режиме простой проверки усвоенной информации, в том числе и с помощью ИИ, намного проще, чем понять глубину и характер ответственного и заинтересованного освоения профессиональных знаний.

Наконец, отказ от локальной университетской среды как контекста социализации и наращивания социальных связей молодым поколением в пользу мировой паутины существенно ограничивает вузовскую миссию, сведя ее к прагматическому “learning”. О контекстуальном становлении личности в этой модели можно забыть. Вполне

возможно, что понятное пока словосочетание «мои университеты» вскоре станет носить принципиально другой смысл и не будет привязано ни к возрасту, ни к институтам, ни к взрослению в целом, если вообще сохранится в языке. Сообщества сменят сети, а учителей – ИИ.

Этика виртуальной аудитории

Управление большими данными (big data), принудительная цифровизация многих коммуникативных практик, монополия государства на обработку персональных данных и в итоге массовая де-приватизация гражданского общества – все эти процессы актуальной цифровой трансформации приводят к серьезным сдвигам в балансе отношений власти и общества. Насколько цифра открывает для гражданского корпуса новые сетевые возможности, настолько же она предоставляет власти отличный шанс для монополизации принуждения и поддержания общества в состоянии абсолютной прозрачности и даже незащитности, о чем так убедительно написал Оруэлл в своем романе-предостережении «1984».

Но вернемся в микромир университета на «удалёнке». Студенческая аудитория может быть полностью и адекватно воссоздана в виртуальном режиме! На этом постулате построена вся «философия» цифрового транзита университетского образования. Но не обманываемся ли мы сами по этому поводу и не вводим в заблуждение человечество? Не станет ли цифровая «классная комната», если воспользоваться более общим для всех уровней образования понятием, новым образовательным карцером и тем самым перечеркнет все гуманистические достижения последних десятилетий в этой сфере?

Если кратко, то, предполагаю, что в виртуальной «классной комнате» могут быть нарушены три главные нравственно-педагогические конвенции.

1. Университетская учебная комната – это всегда предпочтительно закрытое и относительно непрозрачное пространство. Внешний контроль и посещение посторонних – явление крайне редкое и нерегулярное. Наличие «чужаков» не предполагается, а посему и действие, которое в нем происходит, содержит некоторую таинственность, а его соучастники становятся «посвященными», почитающими саму эту комнату как сакральную. По сути, даже банальное учебное помещение выступает местом *эпистемологической инициации*, если воспользоваться термином, заимствованным из социальной антропологии. Прямая аналогия – молельная комната сектантов. Цифра десакрализует учебную комнату, делает ее во всех смыслах просве-

чиваемой и, следовательно, превращает в некое подобие открытой информационной «площади», на которой происходит действие, доступное для всех заинтересованных лиц. Подчеркиваю, для всех. Принцип эпистемологической «избранности» и посвященности в дух познания, таким образом, фундаментально нарушается изнутри.

2. «Закрытость» университетской учебной комнаты с конца прошлого века пытаются разрушить с помощью «новой этики». Учитель в закрытом пространстве мог позволить себе любую реплику, даже не политкорректную или просто «крамольную». Но с недавних пор он был лишен этой статусной привилегии. Не всякое его «слово» стало допустимым с точки зрения меняющейся публичной этики. Любые нетолерантные высказывания (под эту категорию можно подвести все консервативные суждения и оценки, нелояльные изречения и даже простое несогласие с трендами в культурном мейнстриме) стали восприниматься не только как непозволительные, но и недопустимые. В цифровой комнате такой внешний контроль за речью Учителя, который раньше был невозможен, теперь же стал обычным, совершенно открытым и даже поощряется властями. Если речь Учителя еще совсем недавно попадала на скрытую камеру смартфона и после огласки могла вызвать скандал, то в зум-реальности эта *изначальная публичность* становится обязательным условием всякого образовательного процесса. Учитель в цифровой комнате постоянно проходит тест на «корректность» своего мышления и говорения, на свое лояльное соответствие норме. Поэтому, мы вновь фиксируем десакрализацию университетской аудитории, которая теперь случилась под влиянием внешних обстоятельств.

3. Традиционная университетская аудитория – зона полуответственной жизни. В ней позволительны любые пробы и эксперименты, ошибки и даже заблуждения. Ранее это необходимо было для формирования истинного духа познания. И если мостостроитель должен был стоять под мостом в момент его открытия, то студент-инженер мог допускать в процессе обучения любые ляпы. Но и Учитель, вопреки наивным представлениям администрации и властей, мог заблуждаться. Учитель и его ученики – все имели *легитимное право на ошибку*. Осознанная (то есть признанная) ошибка обладала мощнейшим дидактическим эффектом, ибо она формировала поисковый дух молодого поколения. При этом ошибки всех участников образовательного процесса оставались как бы за закрытой дверью. Обсуждались и осуждались только в профессиональном сообществе, а не в профанной среде. Цифра делает сегодня любую ошибку публичным достоянием и, по сути, отбивает всякое желание рисковать, искать без гарантии что-то найти, наощупь двигаться к истине. Такая

университетская жизнь становится малопривлекательной, особенно для преподавателей, и воспринимается всеми участниками процесса образования как нарушение главной этико-гносеологической нормы университетской жизни – права всех участников образовательного процесса на допустимо непубличный характер собственных ошибок. Как только вы лишаете их этого права, страх ошибки пересиливает стремление к познанию, и дух университета мгновенно улетучивается в никуда. Таким образом, цифровизация вузовского образования может серьезно повлиять на саму *витальность* классической модели университета.

4. Предотвратить деструктивный транзит призвана университетская этика, но уже в ее обновленной цифровой версии. В последнее время мы наблюдаем повышенный интерес экспертов к цифровой этике как к некому противоядию от разрушительных последствий всеобщей цифровизации. Эта тема активно обсуждается, однако разговор в основном ограничивается констатацией актуальности и значимости такой этики, не более того [1]. Не ясны ни механизм, ни субъекты ее формулирования. Поэтому все практические попытки ее содержательного конструирования страдают либо односторонностью, либо попросту наивны.

Студент, в отличие от школьника, наслаждается свободой. Эта свобода дарована ему не в качестве награды за долгие школьные годы самоограничения и дисциплины. Университетская свобода выступает важнейшим условием его познания. Познание начинается с неоспоримого права свободного выбора студента: что для него хорошо или плохо – решать только ему. Причем это «правда» о студенте всегда остается никому не известной, «никто не может быть привлечен к непосредственному отчету», писал Ф. Шлейермахер на заре XIX века [3, 146]. Но именно эту свободу выбора цифра сегодня, если и не уничтожает полностью, то, по крайней мере, существенно ограничивает. Пожалуй, она ограничивает и свободу всех участников образовательного процесса.

Вузовская свобода собственно и есть точка соприкосновения социальной и моральной философии современного университета. Духовное побуждение, а не духовные рестрикции, двигает университетскими сообществами. В них нет общего понимания «надлежащего», каждый раз решения принимаются на основе свободного выбора. Желания и возможности двигают учителями и учениками, полагал Шлейермахер, «даже мельчайшее проявление принуждения...оказывается разлагающим» [3, 149].

Эту свободу и моральный выбор нельзя передать в «руки» даже очень интеллектуального и чувственного ИИ. Если из соображения компромисса допустить тотальный цифровой транзит высшего образования, то старая модель разрушится, но сложится ли альтернативная? Понять нельзя до тех пор, пока вузы не станут по-новому отстаивать свою свободу. И не предъявят права на цифровую этику университета.

Перефразируя известное изречение, можно сказать, что дьявол уничтожает университеты, уничтожая их этику.

Список литературы

1. *Гуров О.Н.* Человек между техногенной цивилизацией и коронавирусом: новая система координат // Информационное общество: пределы и риски – прошлое, настоящее, будущее. М., 2020. С. 355-364.
2. *Скиннер К.* Цифровой человек. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. М.: «Манн. Иванов и Фербер», 2019.
3. *Шлейермахер Ф.* Нечаянные мысли о духе немецких университетов. М.: «Канон-Плюс», 2018.
4. *Davies I.* 100 Ideas for Teaching Citizenship. London – New York: Continuum, 2005.